

Чэнь Хэсун не плакал так много лет.

Он не проронил ни слезинки, когда Хэ Юй подбрасывал мерзких жаб в его постель. Не плакал, когда Хэ Юй и его прихвостни избивали его до полусмерти. Юноша сдержал рыдания даже тогда, когда его заперли в комнате, из-за чего он пропустил решающую олимпиаду.

Но сейчас, когда мать протянула руку и поспешно одернула его одежду, пытаясь скрыть шрамы, его прорвало.

Это было самое обычное, будничное движение. Ради её брака Хэсун стискивал зубы целых десять лет, во всём подчиняясь и идя на уступки. До последней секунды он питал слабую надежду:

«Может, записи с камер были нечеткими? Может, она просто не разглядела, через какой ад я прошёл?»

Он набрался храбрости и обнажил своё измученное тело, но мать собственноручно прикрыла эти раны, делая вид, что ничего не произошло.

Хэсун судорожно вцепился в учителя, захлебываясь рыданиями. Чжу Цинчэнь крепко обнял его, поглаживая по голове.

— Всё хорошо, всё хорошо. Не бойся, учитель рядом.

Мать Чэнь стояла поодаль, не зная, куда деться; её рука, только что поправлявшая его одежду, так и застыла в воздухе.

Спустя мгновение телефон Чжу Цинчэня ожил. Учитель попытался мягко отстраниться, но юноша не разжимал рук, словно боясь, что единственная опора исчезнет. Цинчэню пришлось одной рукой придерживать его за плечи, а другой доставать смартфон.

— Здравствуйте, Чжу Цинчэнь у аппарата.

— Сяо Чжу? — в трубке раздался голос мужчины средних лет. — Это заместитель директора Чжоу. Мы виделись на собрании новых учителей.

— Ах, заместитель Чжоу... У вас какое-то дело ко мне?

Цинчэнь покосился на отца Хэ. Тот сидел на диване, и на его лице проступало плохо скрываемое самодовольство.

Учитель и раньше догадывался, что семья Хэ водит дружбу с руководством. Хэ Юй попал в школу именно через «черный ход» Чжоу Чуна. Подпись под заявлением о повторном обучении тоже принадлежала ему — связь была очевидной.

— Ты сейчас в участке, верно? — спросил заместитель директора Чжоу.

— Да, — Цинчэнь глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. — Одного из моих учеников жестоко избили.

— И ты там один?

— Со мной пока никого нет, но я уже известил наставника Гао и руководителя параллели. Они будут с минуты на минуту.

— Послушай, я уже в курсе ситуации. Обычная мальчишеская потасовка, не стоит раздувать из этого дело и бежать в полицию. Я сейчас еду в школу. Забирай ученика и возвращайся, мы во всём разберемся сами, внутри коллектива. Лишняя огласка нам ни к чему.

Цинчэнь нахмурился. Он отодвинул телефон подальше, ладонью прикрыл ухо Хэсуна и твердо произнес:

— Заместитель директора Чжоу, это не «потасовка». Моего ученика окружили и избивали вшестером. Его били руками и ногами, всё его тело в синяках и ожогах от сигарет. Это не игры, это планомерная травля и насилие!

Цинчэнь едва сдержал гнев. Неужели этот человек думает, что он позволит увести Хэсуна обратно в школу под их «присмотр»? Как только они покинут участок, их просто раздавят. Пока вопрос не будет решен официально, учитель и шагу отсюда не сделает.

— Слушай, парень, чего ты такой упрямый? — в голосе заместителя директора прорезалось раздражение. — Тебе что, репутация школы не важна? И вообще, ты хоть представляешь, кто такие семья Хэ?

— Не представляю. И хотел бы уточнить: кто же они такие, что могут стоять выше закона и полиции?

Такие вещи обычно произносятся шепотом в темных углах, и Чжоу Чун никак не ожидал, что молодой наставник посмеет так дерзко и громко задать этот вопрос. На том конце провода воцарилось молчание — старое лицо замдиректора наверняка залила краска стыда.

— Советую тебе хорошенько подумать о последствиях, — процедил он сквозь зубы.

— Это вам стоит подумать, — серьезно ответил Цинчэнь. — Если школа честно расследует инцидент и исключит агрессоров, её репутация только выиграет. Но если мы попытаемся замять насилие — вот тогда огласка будет по-настоящему грязной. Мой ученик — лучший в потоке, гордость города и будущий Чжуаньюань на госэкзаменах! Если нашей школе он не нужен, за него будут биться все остальные учебные заведения. Вот это будет позор. Вы ведь тоже были на присяге учителей, помните слова нашей клятвы? Мой телефон записывает весь разговор. Если вы считаете, что я не прав, я выложу запись в сеть и позволю общественности рассудить нас...

Нервы заместителя директора оказались слишком слабыми. Цинчэнь успел задать лишь несколько вопросов, как тот, не дослушав, поспешно бросил трубку. А спустя мгновение отец Хэ получил сообщение:

[Старина Хэ, в этом деле я бессилён. Ищи другие выходы.]

Рука Хэ Фэна, сжимавшая смартфон, мелко задрожала.

Цинчэнь убрал телефон и обернулся. Хэсун смотрел на него с нескрываемой тревогой.

— Учитель... главное, чтобы меня не заставили пересдавать год. Вам не стоило так рисковать собой...

«А вдруг из-за меня учитель потеряет работу?»

— Не потеряю, — отрезал Цинчэнь. — У меня официальный контракт.

К тому же руководство прекрасно понимало: то, что они требовали от учителя, не выдержит дневного света. Они боялись Цинчэня не меньше, чем он их. Если они тронут его, он может заговорить, и тогда один маленький наставник потянет за собой всё их насиженное гнездо.

Вскоре в участок вбежали запыхавшиеся руководитель параллели и старый наставник Гао. Они жили далеко и, сорвавшись из дома, неслись на всех парах.

— Где мой мальчик? — первым делом крикнул Гао.

— Мы здесь! — Цинчэнь помахал рукой.

Старик бросился к ним, осматривая обоих.

— Как вы? Сильно задели? — Он взглянул на гематомы Хэсуна, и его глаза увлажнились. — Посмотрите только, что сотворили с ребенком... Больно, маленький?

Руководитель параллели тем временем уже наседал на родителей хулиганов:

— И речи быть не может о примирении! Чэнь Хэсун остается в своем классе. Агрессоры принесут публичные извинения, выплатят компенсацию, получают строгий выговор в личное дело и проведут несколько дней в спецприемнике. Никаких поблажек!

Одна из матерей тут же запричитала:

— Мой сын ещё ребенок! Разве так ведут себя педагоги?

Старый наставник Гао решительно шагнул вперед:

— Наш Хэсун тоже ещё ребенок! Хотите мировую? Давайте мы тоже избьем ваших чад, и разойдемся миром.

Руководитель параллели деликатно потянул старика за рукав, призывая к порядку.

— Мы — педагоги, Старина Гао, давайте придерживаться процедур.

— К черту процедуры! — рявкнул наставник Гао, засучивая рукава. — Мне через месяц на пенсию, плевал я на всё это!

— Спокойнее, коллега, спокойнее...

Тем временем отец Хэ, лихорадочно пролистав всю телефонную книгу, понял, что помощи ждать неоткуда. Ему пришлось смириться и согласиться на все требования. В глубине души он уже проклинал тот день, когда решил оставить Хэсуна на второй год ради прихоти Хэ Юя — проблем вышло куда больше, чем выгоды.

Хэ Юй и его компания стояли перед Хэсуном. Сложив руки перед собой, они отвесили ему глубокий поклон.

— Прости, Чэнь Хэсун, мы были неправы. Мы больше не тронем тебя.

Их голоса были тише писка комара. Мальчик понимал: в этих словах нет ни грамма искренности, лишь страх перед наказанием. Но ему было всё равно.

Следом за извинениями их заставили писать расписки и покаянные письма. Руководитель

параллели лично вносил записи о взысканиях в их документы. Теперь, чтобы эти пятна исчезли из биографии, им нужно было вести себя тише воды, ниже травы целый год. В противном случае они поступят в университет с клеймом — если вообще смогут туда поступить.

Получив на руки постановления полиции и копии видеозаписей, доказывающих факт шантажа, Цинчэнь почувствовал, что теперь он может диктовать условия школе. Для верности он заставил отца Хэ и мать Чэнь подписать согласие на перевод Хэсуна в общежитие. Подавать в суд на родственников было бы слишком долго и утомительно — юноше сейчас нужно было сосредоточиться на учебе.

Мать Чэнь всё это время смотрела на сына заплаканными глазами, но Хэсун больше не поворачивался в её сторону.

Когда формальности были закончены, Хэсуну позволили уйти. Хулиганы тоже потянулись к выходу, но путь им преградил офицер.

— Куда это вы? Ваши документы тоже готовы: за провокацию беспорядков и групповое насилие — пятнадцать суток административного ареста.

— Что?! — закричали те. — Нам же в школе уже выговор вклеили!

— Школа — это одно, а закон — другое.

Они тут же начали злобно коситься на Хэ Юя.

— Черт, это всё из-за тебя! На кой черт ты полез его бить? Мы вообще были ни при чем, это всё ради тебя!

— Если бы ты с самого начала не заставлял его оставаться на второй год, этого бы не случилось! Ты что, с ума сошел? Дебил!

Хэ Юй, чьё лицо потемнело от ярости, внезапно вскинул голову и зарычал:

— Заткнулись все!

Цинчэнь прикрыл уши Хэсуна, не желая, чтобы тот слушал эту грызню, и вывел его из участка. Мать Чэнь выбежала следом.

— Сяо Сун! — крикнула она.

Юноша подумал, что она снова начнет просить за Хэ Юя, и даже не оглянулся. Была глубокая ночь, и яркий лунный свет заливал его фигуру. Женщина так и осталась стоять на пороге, а из участка донесся ледяной голос её мужа:

— И ты ещё смеешь реветь? Черт побери, это ведь твой сын довел дело до такого!

У входа в участок наставник Гао взял Хэсуна за плечо.

— Мы с руководителем параллели возвращаемся в школу, нужно доложить директору. Ты иди с наставником Чжу, поезьте где-нибудь, купите всё необходимое для общежития. Сегодня переночуешь в школе.

— Спасибо, учитель, — кивнул юноша.

— Не переживай, мы во всём разберемся. Главное — успокойся и учись. Если возникнут хоть малейшие проблемы — сразу ко мне.

Когда мальчик отошел, старый наставник Гао отвел Цинчэня в сторону.

— Из школы звонили?

— Заместитель Чжоу выходил на связь.

— Плевать на него. Если вздумает строить козни — говори мне. Мне скоро на отдых, я его не боюсь.

Цинчэнь кивнул:

— Мой телефон записал разговор, так что он вряд ли решится на открытый конфликт.

— И то верно. Мы с руководителем параллели не стали подавать рапорт наверх через официальные каналы школы, чтобы Чжоу Чун не успел его перехватить. Завтра пойдем напрямик к директору и в Комитет по защите прав учащихся. Будь готов, соберется комиссия.

Проводив коллег, Цинчэнь обернулся к ученику.

— Ну что, идем? Чего бы тебе хотелось съесть?

Мальчик слабо улыбнулся:

— Мне всё равно, наставник.

Цинчэнь решил, что после пережитого и с учетом травм лучше съесть что-нибудь легкое, и повел его в уже знакомый ресторан кантонской кухни. Хэсун выбрал лишь порцию морепродуктов с рисом и рисовые роллы. Точно такие же, как те, что учитель купил ему тогда на остановке.

— Возьми ещё что-нибудь, этого же мало, — подбодрил Цинчэнь.

Юноша всё ещё чувствовал себя неловко и не решался заказывать больше. Тогда наставник сам взял меню и добавил несколько блюд.

— Учитель, мне только что перевели деньги за лечение, давайте я заплачу! — засуетился Хэсун.

— Деньги побереги, — строго ответил Цинчэнь. — Они тебе ещё понадобятся. Мало ли, вдруг эти люди решат перекрыть тебе содержание в будущем?

— Да... — Мальчик опустил голову. — Спасибо, учитель.

За этот вечер он повторил эти слова уже десятки раз. Пока несли заказ, Цинчэнь спросил:

— Почему ты не позвонил мне сразу? Твоя задумка с доказательствами — это неплохо, но почему не посоветовался? Как ты мог пойти на такое в одиночку?

— Я думал... я сам справлюсь...

— А если бы я не пришел? Ты уверен, что справился бы с ними в участке один на один?

Хэсун понуро опустил голову и едва заметно качнул ею. Если бы не учитель Чжу, который был рядом и не дал исказить факты, он наверняка поддался бы угрозам Хэ Юя или позволил бы отцу забрать себя. Всё закончилось бы ничем. Как он мог в одиночку противостоять главе семьи Хэ?

Цинчэнь серьезно посмотрел на него:

— Я тоже хотел добыть улики и проучить их. Но ты не должен был действовать за спиной

учителя. Тебе повезло, что всё обошлось, а если бы тебя покалечили по-настоящему?

— Я запомню, — послушно кивнул юноша.

Цинчэнь вздохнул.

— Мы знакомы недавно, и то, что ты не доверял мне до конца — это понятно. Но ты мог пойти к наставнику Гао...

— Нет, дело не в доверии! — Хэсун вскинул голову, торопливо объясняя. — Я просто не хотел втягивать вас в это, боялся, что у вас будут проблемы из-за меня...

— Не будут, — отрезал Цинчэнь. — Я живу честно и не боюсь угроз.

Только тот, кто вырос в любви и видел справедливость с пеленок, мог обладать такой отважной верой в правоту, как Чжу Цинчэнь. Он готов был бросить вызов хоть самому небу, если правда на его стороне. Но Хэсун слишком долго пробыл во тьме. Он не верил в красивые лозунги. Юноша боялся подставить учителя, боялся, что тот сочтет его злым и коварным, увидев его манипуляции. Поэтому он и решил нести этот груз сам.

Официант принес горячую воду для ополаскивания посуды. Когда Цинчэнь потянулся за приборами Хэсуна, тот инстинктивно дернулся:

— Учитель, я сам...

Но Цинчэнь молча обдал его миску и палочки кипятком и поставил перед ним. Юноша, сжимая в пальцах едва теплую фарфоровую ложку, тихо спросил:

— Учитель... вы считаете меня плохим?

— Нет.

Цинчэнь посмотрел ему прямо в глаза.

— Плохо — это когда Хэ Юй и его шайка издеваются над слабыми. Плохо — когда родители пытаются замаять преступление своих детей. А ты просто защищался. И в этом нет ничего дурного. Хороший человек не обязан быть беззащитной жертвой. Твои «хитрости» — это мужество и ясный ум, необходимые для торжества закона.

Глядя на серьезное лицо учителя, Хэсун впервые за вечер застенчиво улыбнулся. Осознание того, что он не «плохой ученик» в глазах наставника, принесло ему долгожданное облегчение.

— И помни: впредь обо всём рассказывай мне.

— Хорошо.

— Не просто «хорошо», а запиши это себе на подкорку.

— Я запомнил. Обещаю, в следующий раз я приду к вам.

— А теперь — ешь.

Цинчэнь отправил в рот кусочек рисового ролла.

[Он не ужинал, а ты уже ел.] — напомнила Система.

«Разве?»

[Конечно! Ты вечером у ворот школы съел огромную миску лапши с говядиной и жареным яйцом.]

«Я снова проголодался!» — Цинчэнь с невозмутимым видом подложил Хэсуну ещё еды. — Ешь побольше.

Система в виде маленького светящегося шарика устроилась рядом.

[А ты ему ещё и спасибо говоришь. Он просто боится, что если будет есть слишком быстро, то всё sloпает сам и тебе ни кусочка не достанется.]

Учитель достал телефон, прислонил его к вазе, и они принялись за еду, попутно досматривая серию мультфильма. На лице юноши наконец-то заиграла искренняя улыбка.

— Учитель... спасибо вам большое.

После ужина они вышли из ресторана. Ночной ветерок приятно охлаждал лицо, проясняя мысли.

— В том доме осталось что-то важное для тебя? — спросил Цинчэнь.

Хэсун покачал головой:

— Нет. Удостоверение личности со мной, остальное — пустяки.

— Тогда не возвращайся туда. Что бы ни случилось — ни ногой.

— Я понимаю.

Цинчэнь вспомнил сериалы, где герои, сбежав от бандитов, возвращаются за каким-нибудь семейным кольцом или поношенным гребнем и снова попадают в плен. Глядя на такое, он всегда готов был в ярости разбить подушкой телевизор. Своему ученику он такой глупости не позволит!

— Идем в супермаркет, — скомандовал учитель.

Они наполнили тележку самым необходимым: зубной пастой, щетками, полотенцами, шампунем и постельным бельем. Время поджимало, поэтому брали только базу — остальное докупят позже. Чжу Цинчэнь толкнул тележку, оттолкнулся ногой и с весёлым «у-ху!» промчался по проходу.

За всё платил учитель. Он велел Хэсуну оставить деньги на университет — мол, отдашь, когда выучишься и начнешь зарабатывать. Зарплату Цинчэня в этом мире всё равно некуда было тратить, а на одного еды много не требовалось.

[Брехня! Ты ешь как не в себя!] — тут же встряла Система.

«Заткнись».

Конечно, Цинчэнь всё же отдал чек юноше — чтобы тот не привыкал к иждивению и помнил о долге. Это должно было стать дополнительным стимулом для усердной учебы.

По пути в школу они проходили мимо аптеки.

— Подожди здесь, я быстро заскочу, — сказал наставник.

— Вы заболели, учитель?

— Нет, просто объелся. Куплю таблеток для пищеварения с фруктовым вкусом.

Спустя пару минут он вышел с небольшим пакетом, протянул мальчику одну таблетку, и они зашагали дальше.

Когда они вернулись, вечерняя самоподготовка уже закончилась. Цинчэнь переговорил с дежурной по общежитию и повел Хэсуна наверх. В мужском корпусе было шумно: лето, духота, парни носились по коридорам, словно стая обезьян. Один чуть не сбил учителя с ног, резко затормозил и, узнав наставника, побледнел.

— Ч-чжу... наставник Чжу!

Шум мгновенно стих, из всех дверей высунулись любопытные головы.

— Всем спать! — скомандовал Цинчэнь.

Ученики мгновенно испарились. Наставник остановился перед дверью с номером 308 и постучал.

— Открывайте.

— Нас нет... дома никого... — донеслось изнутри.

— Считаю до трех. Один...

— Идем, идем!

Дверь распахнулась. Увидев Хэсуна с вещами, ребята замерли.

— Чэнь Хэсун? Ты... ты возвращаешься в общежитие?

Юноша застенчиво кивнул. Цинчэнь подтолкнул его вперед:

— В вашей комнате было трое, теперь будет четверо. Хэсун ещё не жил в школе, помогите ему освоиться. А он поможет вам подтянуть хвосты в учебе.

— С радостью! — в один голос ответили парни. Они тут же окружили нового соседа и начали разбирать его сумки. — Не волнуйтесь, наставник Чжу, мы присмотрим за ним.

— Помогайте в учебе, — строго добавил Цинчэнь, — а не списывайте у него.

— Поняли! Будет исполнено!

Учитель попрощался и ушел. Дверь закрылась, и соседи тут же принялись обустроить жильца.

— Хэсун, вот этот шкаф твой. И полка в ванной.

— На твоей кровати валялся хлам, сейчас уберем.

— Блин, Ли Е, ты зачем спрятал свои заваленные тесты под матрас? И прошлогодние шпаргалки здесь! Ты совсем ку-ку?

Хэсун не выдержал и негромко рассмеялся. Он протер кровать и циновку влажной тряпкой, решив, что сегодня переночует так, а завтра всё перестирает. Присев на край постели, он начал доставать вещи из упаковки.

Внезапно на пол что-то выпало с негромким стуком. Ли Е, проходивший мимо, поднял предмет и забросил его на верхнюю полку:

— Держи, выронил.

— Спасибо, — Хэсун перехватил тюбик.

Он думал, это какая-нибудь бирка от белья, но... В его руках оказалась мазь для удаления шрамов.

Юноша замер.

«Как она могла оказаться в упаковке с одеялом? Неужели сотрудник супермаркета случайно положил её туда?»

«Конечно, нет».

Он вспомнил, как учитель заходил в аптеку по пути. Цинчэнь купил лекарство и, чтобы не смущать его, незаметно спрятал среди вещей.

Хэсун прижал ладонь к ребрам через тонкую ткань формы. Бугристые шрамы от ожогов отчетливо ощущались под пальцами. Внезапно ему показалось, что эти старые отметины начали гореть, словно обжигая кожу. Мальчик низко опустил голову и быстро вытер глаза рукавом.

После душа, уже в темноте, Хэсун нанес мазь. Свет в комнате погас, но его уроки ещё не были сделаны. Он тихо взял рюкзак, новую настольную лампу и ушел в ванную.

В крошечном помещении горел слабый огонек. Хэсун сидел на низком табурете, положив тетради на пластиковый стул повыше. Надев очки, он низко склонился над листом и в этой

неудобной позе принялся за работу. Его соседи, которые тайком сидели в телефонах под одеялами, замерли от изумления.

«Офигеть! — подумали они. — Он вообще человек?»

— Я мешаю? Могу закрыть дверь поплотнее, — спросил Хэсун, заметив их взгляды.

— Нет-нет, — ребята замахали руками. Испытывая жгучее чувство вины, они один за другим отложили смартфоны и достали учебники.

Чэнь Хэсун должен был учиться лучше всех. Он должен был вырваться отсюда и поступить в самый престижный университет.

«Он обязан поступить в самый лучший вуз, чтобы наставник Чжу получил свою премию!!»

<http://bllate.org/book/15820/1433340>